

НАДИН
МОНФИС ГРЕЗЫ
БАВИЛОНА

NADINE
MONFILS
BABYLONE
DREAM

НАДИН МОНФИС ГРЕЗЫ ВАВИЛОНА

Роман

Перевод с французского
Оксаны Чураковой

издательство **ACT**
Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М77

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Монфис, Надин

М77 Грезы Вавилона : роман / НАДИН МОНФИС ; пер. с франц.
О. ЧУРАКОВОЙ. — Москва : АСТ : CORPUS, 2013. — 288 с.

ISBN 978-5-17-077990-1

Надин Монфис — популярнейшая бельгийская писательница, лауреат престижных наград, автор детективов, переведенных на многие языки. Роман “Грезы Вавилона” удостоен премии “Детектив-2007” на знаменитом фестивале приключенческой литературы в городе Коньяк.

Молодожены после свадьбы найдены мертвыми в своем доме. Жених зарезан, у невесты отрублены руки, а ее тело превращено в кровавое месиво. Преступник не оставил следов. Ясно одно: им движет нечеловеческая ненависть. Следствие ведет инспектор Линч, неисправимый любитель виски и женщин, и его помощник Барн, закомплексованный муж-подкаблучник. Им помогает очаровательная Ники, чья должность профайлера подразумевает способность воссоздавать психологический облик убийцы и проникать телепатическим путем в его подсознание. Но попробуй найди “палача невест” в городе Пандора, где, как следует из его названия, зло таится на каждом шагу...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-077990-1

- © Belfond, un département de Place des Editeurs, 2007. Tous droits réservés.
- © О. Чуракова, перевод на русский язык, 2013
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
- © ООО “Издательство АСТ”, 2013
Издательство CORPUS ®

*Моему отцу, подарившему мне красного слоненка,
которого я так и не смогла отыскать.
Разве что когда писала эту книгу.*

1

Растерзанная подвенечная фата распласталась на залитом кровью полу, словно крылья разбившейся о скалу чайки. От тела остались лишь рваные клочья плоти, перемешанные с перьями подушки. Под кроватью инспектор Линч обнаружил руку. С красивой маленькой кистью и накрашенными ногтями. Почти кукольную. Прежде чем поместить ее в пластиковый мешок, он убедился, что на безымянном пальце нет обручального кольца.

— Она могла носить его на правой, — заметил Барн.

— А ты не так глуп для полицейского!

Линч пожал плечами. Как ни крути, а учитывая, во что превратилось тело, обнаружить целую руку было просто чудом. Другую наверняка разнесло на куски, как и все остальное. Тут и там валялись обрывки белого платья, словно лепестки, усыпавшие комнату новобрачных среди кровавого месива. Несмотря на платок, пропитанный запахом эв-

калিপта, которым Линч прикрыл нос, его затошнило. А ведь за долгое время службы он всякое повидал. Но с убийствами, подобными этому, ему редко приходилось сталкиваться. По правде сказать, такую мясорубку он видел впервые.

Жених лежал лицом к кровати, глаза вытаращены, в животе нож, руки и ноги связаны за спиной. Помощь подоспела поздно, и он истек кровью. Бедняга наверняка стал свидетелем кровавой расправы над женой. Его веки были приклеены скотчем, чтобы он не мог закрыть глаза.

Молодоженов оставили одних в брачную ночь, и только ближе к полудню мать невесты принесла им пирог с засахаренными насекомыми. Одно из ее фирменных блюд с тех пор, как ей подарили книгу рецептов азиатской кухни. Лорена жила за несколько домов от дочери, и у нее имелись запасные ключи. Днем она приходила кормить кота. Сначала она тихонько окликнула молодых, чтобы предупредить о своем приходе. Затем громче. Не дождавшись ответа, она забеспокоилась и поднялась вверх...

Сосед видел, как она выбежала из дома с воплями. Он-то и вызвал полицию. С тех пор она перестала говорить. Единственное слово, которое она без конца повторяла, было “кот”.

Барн недоумевал. Линч объяснил, что иногда при потрясении человек цепляется за какую-то де-

таль и становится просто одержим ею. Чтобы пережить ужас. Дерево, за которым не видно леса.

— Шеф, правую руку нашли. Отрезана от самого плеча. Кольца нет... Похоже, ее тоже отрубили до того, как взорвали тело. Настоящий псих поработал!

Линч прикрикнул на Барна, который собирался развязать мужа:

— Не надо! Сейчас Ники Сливвер приедет. Оставьте ей хоть это, а то будет злиться. Вы ее знаете...

Бог свидетель, он давно знал и терпел эту заразу Ники. Характер кассирши из супермаркета при ангельской девичьей мордашке. В общем, телепатические таланты с ее персоной никак не вязались. Господь словно ошибся телом. Однако приходилось признать: она была лучшим профайлером¹, каких он когда-либо знал. И вечно гадал, то ли эта пигалица наделена фантастическими способностями к дедукции, то ли действительно у нее дар ясновидения. При взгляде на это мышинное личико, эти джинсики и широченные свитера возникало желание ее защитить. Но стоило подойти к ней поближе и сделать сочувственное лицо, как она превращалась в гиену.

¹ *Профайлер* — психолог-криминалист, воссоздающий психологический облик преступника. Некоторые считают, что это не столько профессия, сколько своеобразный дар, умение проникать в сознание и подсознание серийных убийц. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, — прим. перев.)

— А кота не нашли? — поинтересовался Барн, питавший слабость к животным.

— Нет. Наверняка убежал в окно. Ушел тем же путем, каким пришел убийца. Чего проще...

Окно спальни выходило в темный двор, скрытый стеной и высокой кованой оградой. Мало-мальски ловкому человеку забраться на второй этаж было проще простого.

— Хотя бы ясно, что убийца не безногий калека, — пошутил Барн, желая слегка разрядить обстановку.

Но шутка не сработала. От жуткой сцены всех мутило.

Тине было двадцать четыре года. С будущим мужем они познакомились еще в школе, и оба были единственной любовью друг друга. На фотографии, найденной у матери, девушка выглядела очень обаятельной, нежной и милой. Она работала медсестрой, а ее муж трудился в компьютерной фирме. Красивый парень, насколько еще можно было судить по его лицу, искажившемуся при виде адской сцены.

Его ногти вонзились в связанные руки. Линч невольно подумал про гвозди в ладонях Христа.

2

Линч плюхнулся в кожаное кресло, постаревшее от невзгод, которые он ему поверял. Только оно и осталось ему от деда. Для инспектора это было больше чем просто кресло. Он словно сидел на коленях обнимавшего его старика. И чувствовал себя под его защитой. Впрочем, ему частенько случалось с ним разговаривать. Вряд ли он выглядел при этом более странно, чем те зомби, что встречались ему на улице с наушниками в ушах, болтавшие будто сами с собой. Он раскурил косяк, самокрутку со вкусом шоколада, набитую табаком и травкой. Хотелось тихо воспарить. Ему нравилась эта смесь вкуса детства с чем-то запретным.

Он хорошо себя чувствовал в маленькой старой квартирке в самом центре злчного квартала Пандоры. Ему вполне по карману было бы жить и в другом районе, но его всегда манили подозрительные места, пустыри и закоулки, где бродят бездомные псы.

А с недавних пор новая соседка напротив около часа ночи каждый раз раздевалась возле окна. Это было истинным наслаждением! Линч с малолетства обо-жал подглядывать... В тринадцать, будучи мастером на все руки, он смастерил себе очки в форме замоч-ных скважин, которые надевал, когда смотрел пор-нофильмы. Очки сохранились у него до сих пор...

В тот вечер соседки дома не было. И ему ее не хвата-ло. Кажется, она жила одна. Он пока ни разу не ви-дел у нее мужчин. Ревность была не по его части. Все те ужасы, с которыми он сталкивался на работе, на-учили его необычайно ценить настоящую минуту. Только это и есть истина. Прошное и будущее всего лишь иллюзия. Он поднялся и встал у окна. На миг погрузился в мечты. Женщины его всегда возбужда-ли. По крайней мере, в мыслях...

Вдруг он увидел свет. Она появилась, мгновение смотрела на него, затем бретельки ее лифчика мягко скользнули с плеч. Одна грудь обнажилась. Линч ви-дел лишь нечто округлое и манящее. Он не мог раз-глядеть лицо, и эта тайна разжигала его воображение.

Он ни разу не видел ее на улице. Намеренно обходил стороной ее дом. И очень надеялся нико-гда не встретить ее. Впрочем, он вряд ли смог бы ее узнать. Быть может, она существовала лишь в его во-ображении...

Линч снова уселся в кресло и нажал кнопку пульта. Продолжение “Клана Сопрано”! Ничто так не помогало ему расслабиться, как приключения этого мафиози, которого неплохо было бы иметь отцом или братом. Семья Тони Сопрано стала его семьей. Психолог сказал бы, что для него это субститут, поскольку он один на белом свете. Или почти один. У него остался только умственно отсталый младший брат. Вначале, когда Линч работал, как все люди, от звонка до звонка, у него была мысль взять брата к себе, но после перехода в уголовку это стало невозможным.

“Не советую, — сказал врач, — он может стать совершенно непредсказуемым и даже опасным. Неизвестно, как будет развиваться болезнь”.

Фрэнки поместили в специальное учреждение, где больных обучали “создавать вещи своими руками”. С тех пор он мастерил иголку, склеивая баночки из-под йогурта. Фрэнки обожал эскимосов. А еще снег. Никто не знал, откуда у него эта страсть к Северу. Только Линч. В детстве мать всегда читала им на ночь одну и ту же книжку с картинками “Юри, маленький эскимос”. История о несчастном мальчике, который живет один, потому что потерял родителей. Когда он тонул в ледяной воде, его спас медведь. Но в конце книги выясняется, что мальчику все приснилось. Он просыпается у себя в комнате... а на его постель падает снег!

Линч корил себя за то, что не навещает брата чаще. Но на службе он и без того видел столько несчастий, что в конце дня хотелось хоть ненадолго рас-

слабиться. А возвращаясь от Фрэнки, он всякий раз испытывал желание пустить себе пулю в лоб. Эти встречи терзали его сильнее, чем все преступления, с которыми он сталкивался.

В этот вечер он никак не мог сосредоточиться на любимом фильме. Его не трогали любовные страдания Медоу, дочери Тони Сопрано. Картинку заслоняли клочья плоти, облеплявшие экран. А любая женщина в белом казалась ему лишенной рук.

Линч выключил телевизор и вышел. Ночные бары часто помогают прогнать ужасы дня. Погружаясь на дно бутылки, забываешь о том, кто ты есть.

Розовые неоновые блики струились по отполированному дождем тротуару. На углу тупичковых улиц витали запахи продажной любви. Все, что так нравилось Линчу. Его никогда не пленяла семейная жизнь и тихие радости отцовства. Когда ему хотелось ласки, он шел к проституткам. Никакого жеманства, все просто и ясно. Как в доброй сделке, выгоду получали обе стороны. Совсем не то, что в любви, которая одного — а то и обоих сразу — ранит и лишает жизненных сил. Да хотя бы из-за смерти одного из двоих.

У стойки Линч выпил несколько стаканов “Бильбао”. Здесь его хлестали все подряд. Смесь спирта с маком и неким веществом из плотоядных растений-афродизиаков.

Затем он прихватил Коко, свою любимицу. Один час в ее квартире, где пахло увядшей розой — ка-

ким-то бабушкиным составом, который она жгла над свечкой, чтобы прогнать запах гнили. Час абсолютной расслабухи и бездумного секса, когда он старался забыть все, кроме этого тела, готового на любые безумства в обмен на несколько банкнот.

Линч часто задумывался, почему шлюхи возбуждают его больше, чем все прочие женщины. Вероятно потому, что они созданы только для этого и ни для чего больше. При виде шлюхи никому не придет в голову сказать: “Милая, прогладь мне рубашку”, или обругать ее за то, что она балует мальчишку и плюет на его отметки.

Коко легла сверху и принялась умело массировать то, что часто заменяет мужчине мозги. Линч расслабился, вкушая удовольствие, которое ему нравилось считать запретным. Он стоял за свободу во всем. Кроме секса. Без запрета пропадает весь эротизм. Это так, мыслишка... Мелочь, возбуждавшая в нем желание. Он любил представлять себе, что у Коко есть муж и что он вот-вот войдет и устроит ей сцену.

Никак не получалось сосредоточиться. Вместо входящего мужа он видел невесту без руки... Интересно, убийца ее изнасиловал, прежде чем взорвать? И когда он отрезал ей руку, до изнасилования или после?..

3

Ники повидала немало страшных сцен, но эта была самой ужасной из всех. Как всегда, когда ее вызывали на место преступления, она брала с собой слоника из красного фетра, единственную вещь из детства, напоминавшую об отце. Как-то вечером под Рождество отец таинственным образом исчез. Именно он дал слонику имя Вавилон. Это было похоже на название конфеты. Она никогда не задумывалась, почему он наградил его этой странной кличкой, пока мать не сказала: “Вавилон символизирует все несбывшиеся мечты. То, что заставляет нас цепляться за жизнь”.

Ники необходим был такой талисман. Чтобы не забыть детство, свою любовь к играм и удержаться на краю преисподней. Он успокаивал ее. Хотя Ники считала убийц чудовищами, она странным образом всегда испытывала к ним некое сочувствие. Возможно, оно помогало ей пережить все эти ужасы, ведь

на свете нет тяжелее ноши, чем ненависть. Всякий раз после осмотра места преступления в ее голове теснились жуткие образы. Ей не терпелось принять ванну, чтобы сбросить этот свинцовый груз. Она научилась прощать, чтобы не сойти с ума. А Бог? Просто добрый приятель. Что-то вроде летчика где-то там, наверху, которому она поверяла свои мечты, когда он изредка приземлялся в ее саду. Придуманном тайном саду, где росли лесные цветы и стояли пряничные домики. Когда на душе было грустно, стоило лишь толкнуть калитку...

Если полиции понадобилась ее помощь, значит, судя по извращенности преступления, они подозревали, что имеют дело с серийным убийцей. Но Ники не была в этом уверена. Взорванное тело — это все-таки нечто из ряда вон выходящее. Чтобы версия подтвердилась, нужны другие убийства, совершенные по тому же сценарию. Обычно мотивы, двигавшие убийцей, интересовали ее больше, чем совершенные им действия. Но на этот раз было иначе. Здесь все казалось взаимосвязанным.

С минуту Ники стояла посреди комнаты, которая больше походила на скотобойню, чем на любовное гнездышко, потом прошла и села напротив тела мужа. Разве могли эти двое вообразить, что в брачную ночь к ним зайвится мясник. Прежде всего надо попытаться понять, мужчина он или женщина. Хотя первый вариант казался наиболее вероятным, второй

также не следовало исключать. Ревнивые женщины способны на самые страшные зверства.

Чтобы оставаться одной в этой комнате, нужна была хорошая закалка. Но Ники не боялась ничего, или почти ничего.

По данным полицейского отчета, ничего украдено не было. Преступление не с целью наживы? Или целью был некий пока неизвестный предмет? На какой бы почве оно ни было совершено — сексуальной или из мести, его жестокость свидетельствует о нездоровом рассудке. А для Ники это было самым страшным. Безумие может скрываться за разными масками, в том числе и за добротой. Такая маска опасней других, ибо не вызывает подозрений.

Она порылась в ящиках, надеясь отыскать фотографию или что-то, способное направить ее поиски. Под руку попался снимок Тины незадолго до свадьбы. Она улыбалась, стоя рядом со своим женихом. Оба загорелые и, вероятно, полные радости жизни. Красивая девушка с длинными темными волосами, забранными в конский хвост.

Ники нашла разные мелочи, ничего особенно интересного. Однако оставила себе одну ленточку, такую же, какой были завязаны волосы Тины на фотографии. Ники обвязала ею запястье. Она всегда оставляла себе какой-то предмет, принадлежавший жертве, убежденная, что он помогает установить с ней связь. Ники использовала все свои способности — от чистой дедукции до интуиции, иногда прибегая к методам, лежащим за гранью логики.

Она прошла по дому и саду, приюхиваясь и присматриваясь к месту, как делают животные. Теперь она была готова..

Поджав ноги, Ники уселась напротив убитого. Его звали Дан. На его лице отразились все страдания, доставшиеся на долю его жены. Черты исказились жестокой мукой невообразимого ужаса. Нож, торчавший у него в животе, был, вероятно, тот самый, которым убийца отрезал невесте руки. На губах засохшая струйка крови. По тому, что к запаху крови примешивалась стоявшая в комнате нестерпимая вонь, было понятно, что несчастный, по всей видимости, испражнился от страха. Но эти запахи были указателями, позволявшими Ники проникнуть в мрачные глубины преступления. Она осторожно коснулась руки трупа и заглянула ему в глаза. Все было здесь, в этих маленьких серых шариках.

Ники долго сидела, погружившись во взгляд мужчины, от которого осталась лишь пустая оболочка. Не более. Странно, но ей казалось, что его душа все еще здесь, в теле оставалось нечто неопределимое. Она это чувствовала..

Ники постаралась перестать думать, чтобы отделиться от чувств и слиться с глазами Дана. До того, чтобы перестать их различать. И не видеть ничего вокруг. Ощутить пустоту, чтобы суметь все прочесть, как в хрустальном шаре. И она стала ждать ветерка. Он появился во время ее первого дела. Едва уловимое дуновение, которое чувствовала только она. Ники

знала, откуда оно. Сверху. От всех ее друзей, умерших насильственной смертью... Может, именно потому она и выбрала себе эту профессию.

Ники всегда следовала своей интуиции. Единственную ошибку она совершила, когда ее не послушалась.

Мало-помалу истина начала проступать: убийца знал невесту. Доказать это невозможно, нужно, чтобы полицейские поверили ей на слово и следовали этой версии. Преступление имело свой скрытый смысл. И если этот зверь потрудился отрезать руки, значит, на то у него были причины. Грань между гениальностью и безумием подчас чрезвычайно тонка. Напрашивался еще один вывод: если жертва была изнасилована, — что трудно установить, учитывая состояние тела, — то руки ей отрезали раньше. Затем убийца, вероятно, пырнул мужа ножом, вставил Тине между ног гранату и сбежал.

Как и всегда, Ники не могла бы объяснить, родились эти видения у нее в мозгу или это плод телепатического общения с убитым. Или убитой.

Она коснулась ленточки на запястье. К горлу подступила тошнота. Ники привыкла к этому. Она встала и открыла окно. Что-то в саду привлекло ее взгляд. Что-то, чего она не заметила раньше, когда обходила дом. Вроде клочок бумаги. Наверное, из мусорного ящика прилетел. Ники верила в знаки. И пошла посмотреть, что это. Но в ту минуту, когда она наклонялась, чтобы подобрать бумажку, раздался душераздирающий крик, заставивший ее вздрогнуть.